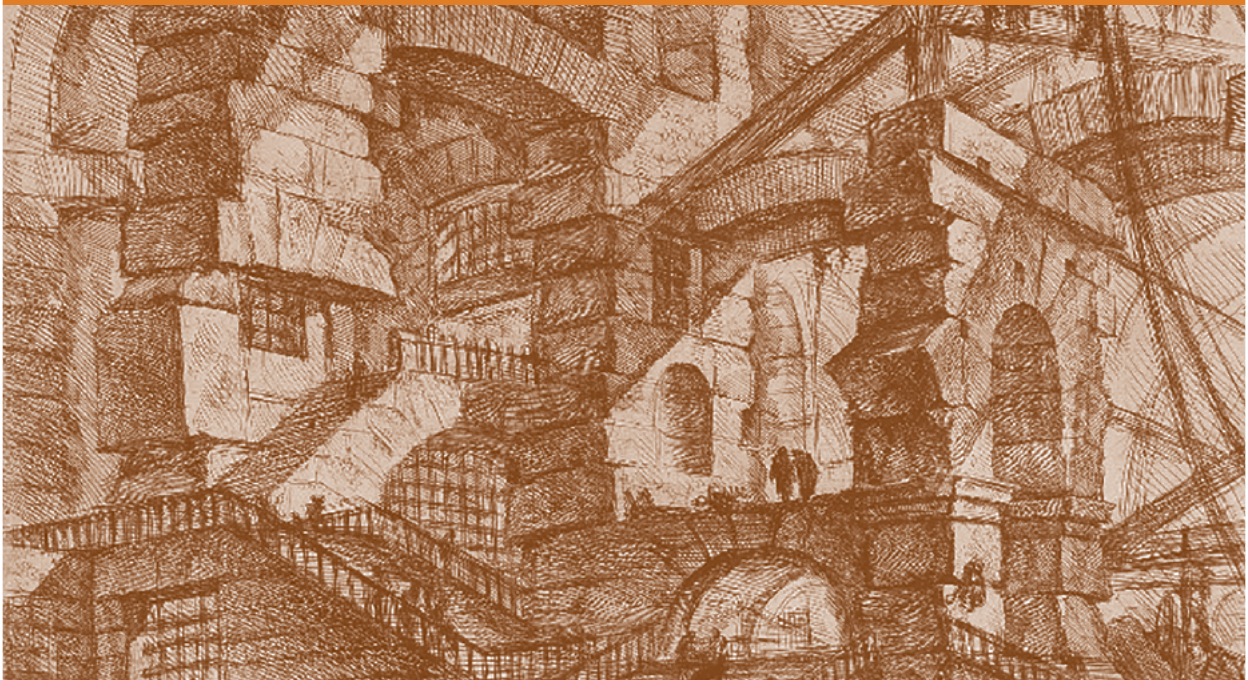

ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ В ИЗУЧЕНИИ НАСЛЕДИЯ
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В РУССКОЙ И МИРОВОЙ КУЛЬТУРЕ

«ЗАПИСКИ ИЗ ПОДПОЛЬЯ»
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
В КУЛЬТУРЕ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ

Федор Достоевский

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

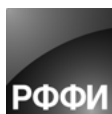
**«ЗАПИСКИ ИЗ ПОДПОЛЬЯ»
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
В КУЛЬТУРЕ
ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ**

Ответственный редактор
Е.Д. Гальцова

Москва
ИМЛИ РАН
2021

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Д 70

Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту № 18-012-90044 (Достоевский), не подлежит продаже

Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Е.Д. Гальцова, доктор филологических наук, ИМЛИ РАН

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

О.А. Богданова, доктор филологических наук, ИМЛИ РАН

В.М. Толмачёв, доктор филологических наук, МГУ им. М.В. Ломоносова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

К.Р. Андрейчук, М.Е. Балакирева, А.В. Бородачева, О.Е. Волчек,
А.В. Голубцова, Е.А. Маркова, О.Ю. Панова

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ КОМИТЕТ:

К. Аддад (Франция), М. Бёмиг (Италия), А. Дюкре (Франция), Г.Э. Импости (Италия),
К. Ичин (Сербия), О.И. Половинкина (Россия), С.Л. Фокин (Россия), Н.И. Шрома (Латвия)

3 32 «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского в культуре Европы и Америки /
Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук;
отв. ред. Е.Д. Гальцова. — М.: ИМЛИ РАН, 2021. — 1024 с. —
<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0668-0>

ISBN 978-5-9208-0668-0

Коллективная монография «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского в культуре Европы и Америки посвящена малоизученным аспектам западного восприятия повести. Российские, европейские и американские авторы проводят анализ переводов «Записок из подполья» на европейские языки, а также их философской, литературной, литературоведческой, театральной и кинематографической рецепции. В Приложении дан не публиковавшийся ранее текст первой в мире театральной инсценировки повести — «Подпольный дух» («L'Esprit souterrain», 1912) А.-Р. Ленормана (на французском и русском языках) и архивные материалы М. Унамуну и Ж. Пудж-и-Феррера, предисловия к ранним переводам и др. Издание сопровождается библиографией переводов и рецепции повести в Европе и Америке.

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-9208-0668-0

© Коллектив авторов, 2021
© ИМЛИ РАН, 2021

A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**“NOTES FROM
UNDERGROUND”
BY F.M. DOSTOEVSKY
IN THE CULTURE
OF EUROPE AND AMERICA**

Executive Editor
Elena D. Galtsova

Moscow
IWL RAS
2021

EXECUTIVE EDITOR

Elena D. Galtsova, DSc in Philology, IWL RAS

READERS:

O.A. Bogdanova, DSc in Philology, IWL RAS

V.M. Tolmachov, DSc in Philology, Lomonosov MSU

EDITORIAL BOARD:

K.R. Andreichuk, M.E. Balakireva, A.V. Borodacheva, A.V. Golubtsova,

E.A. Markova, O.Y. Panova O.E. Voltchek

INTERNATIONAL EDITORIAL CONSUL:

K. Haddad (France), M. Böhmgig (Italy), A. Ducrey (France),

S.L. Fokin (Russia), K. Ičin (Serbia), G.I. Imposti (Italy),

O.I. Polovinkina (Russia), N.I. Šroma (Latvia)

“Notes from Underground” by F.M. Dostoevsky in the Culture of Europe and America / A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences; Executive Editor Elena D. Galtsova. Moscow: IWL RAS Publ., 2021. 1024 p.

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0668-0>

ISBN 978-5-9208-0668-0

The collaborative monograph “Notes from Underground’ by F.M. Dostoevsky in the Culture of Europe and America” is devoted to poorly studied aspects of the Western perception of the novella. Russian, European and American authors analyze the translations of “Notes from Underground” into European languages, as well as its philosophical, literary, critical, theatrical and cinematic reception. The Appendix contains the previously unpublished text of the world’s first theatrical production of the story, “The Underground Spirit” (“L’Esprit souterrain”, 1912) by H.-R. Lenormand (in French and Russian), archival materials by M. Unamuno and J. Puig i Ferrer, prefaces to early translations, etc. The publication is accompanied by a bibliography of translations and reception of the novella in Europe and America.

Keywords: F.M. Dostoevsky, “Notes from Underground”, Western perception, translations, philosophy, literature, criticism, theater, cinema.

Acknowledgments: The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 18-012-90044 (Dostoevsky), Not for Sale

- Trier L. von 750, 764
Trifirò R. 546
Troeltsch E. 146
Trotzig B. 389, 391, 399, 402, 404
Trousson R. 545
Unamuno M. de 596, 606
Vale M. 394, 403
Vassena R. 353, 360
Venohr L. 408, 416
Verdaguer M. 67
Verhaeren É. 531–533, 537–539, 541–546
Verhaert B. 678, 684
Vestris 658, 677
Vianu T. 377
Viator (см. Ciampoli D.)
Vidal A. 191, 195
Viguiet 653
Vilar J. 685
Viprey D. 300, 306
Vogüé E.-M. de 19, 68, 157, 233, 828, 829,
865, 869
Volkhonsky (Volokhonsky) L. 90, 91, 98,
115, 122, 140, 141, 712
Votchkov .E. 299
Waite G. 249, 252
Walker A. 512, 523
Walker P. 463, 501, 506, 507, 509
Walkow G. 692, 693, 707, 710, 712
Wallace D.F. 463, 503, 504, 507, 509
Walter E. 89, 146
Wanner A. 438, 443, 461
Ward J.W. 475, 509
Warner R. 713
Watkins P.D. 475, 509
Weininger O. 866
Weisgerber J. 469, 509
Welsh D. 451, 461
Wesley C. 140
Wesley J. 140
Whilliams B. 489
Whittingham R. 140
Widmer K. 471, 481, 509
Wilcox P. 693
Wilks R. 117, 121
Willcocks T. 141
Williams Ch. 523
Williams E. 140
Wilson C.H. 361, 366, 367, 370
Wilson Hooten J. 509, 509
Wilson J.D. 460
Winock M. 330
Wizéwa T. de 68
Wohl A.S. 141
Wolfe T. 468, 509
Wolff F. 147
Woodruff R. 692
Woolf V. 105, 106, 122, 461
Wright D. 633, 634
Wright M. 509
Wright R. 463, 474, 475, 482, 506–509
Yashchin N. 693
Zaller R. 502, 509
Zern L. 396, 404
Zernov N. 510, 513, 523
Zhuo Y. 296, 297
Zinovieff (см. FitzLyon) K.
Zipperstein S.J. 490, 509
Zola E. 588
Zweig S. 181, 864, 869
Zyataruk G.J. 370

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Е.Д. Гальцова.</i>	
Введение	7

ГЛАВА I ПЕРЕВОДЫ «ЗАПИСОК ИЗ ПОДПОЛЬЯ» НА ЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ

<i>Е.Д. Гальцова.</i>	
Переводы «Записок из подполья» на французский язык: вопросы лингвистики, философии и издательской политики	15
<i>А.А. Стрельникова.</i>	
«Немецкий» Достоевский: первые переводы «Записок из подполья» в Германии (1895–1921)	68
<i>О.Ю. Панова.</i>	
Опыт англо-американских переводов повести Ф.М. Достоевского «Записки из подполья» за сто лет (1913–2014)	90
<i>А. Нейдел.</i>	
«Записки из подполья» на английском языке	99
<i>В.С. Сергеева.</i>	
О некоторых переводах эпиграфического комплекса «Из поэзии Н.А. Некрасова» («Записки из подполья»)	123
<i>М. Бёмиг.</i>	
Европейские контексты итальянской рецепции «Записок из подполья»	142
<i>А.В. Голубцова.</i>	
Итальянские переводы «Записок из подполья»	156
<i>Н.Ю. Харитонова.</i>	
Рецепция «Записок из подполья» в каталонском культурном пространстве	183
<i>К.Р. Андрейчук.</i>	
Переводы повести Ф.М. Достоевского «Записки из подполья» на шведский язык	196

ГЛАВА II «ЗАПИСКИ ИЗ ПОДПОЛЬЯ» В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ. ФИЛОСОФИЯ, ПСИХОАНАЛИЗ, СОЦИОЛОГИЯ, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>И.А. Эбаноидзе.</i>	
«Записки из подполья» в рецепции Ф. Ницше.	211
<i>П. де Кортэ.</i>	
Психология подполья: Ницше, Достоевский и проблема нигилизма	234

С.А. Кибальник.	
Миф о тождестве героя и автора «Записок из подполья» в философской публицистике русского зарубежья	253
А.С. Аристова.	
«Записки из подполья» в христианской антропологии Иустина Поповича	262
Л.А. Димитриева.	
Le souterrain, le sous-sol, la clandestinité: обличья подполья в XX веке	277
В. Фейбуа.	
От подполья к миру: прочтения «Записок из подполья» Жоржем Стайнером	284
Н. Од. «Критика из подполья»: толкование творчества Достоевского и понятие миметического желания у Рене Жирара.	291
О.Е. Волчек.	
Подпольный человек между двойником и идиотом в критике психоанализа Жюль Делёза.	298
С.Л. Фокин.	
Людвиг Витгенштейн о «Записках из подполья»	307
С.Л. Фокин.	
«Записки из подполья»: версия Цветана Тодорова	319
С.Л. Фокин.	
Эволюция «подполья» в трудах Юлии Кристевой	331
Н.А. Копча.	
«Неизвестный» Достоевский: немецкая рецепция русского писателя на рубеже XIX–XX вв. на примере предисловий к повести «Записки из подполья»	341
И.В. Дергачева.	
«Записки из подполья» в итальянской критике	349
Е.А. Маркова.	
«Записки из подполья» Ф.М. Достоевского в английской критике XX века	361
Н.Л. Сухачев.	
«Записки из подполья» в восприятии румынских читателей	371
Т.М. Попович.	
От революции до невроза: восприятие «Записок из подполья» сербскими литературоведами.	378
К.Р. Андрейчук.	
Линии рецепции «Записок из подполья» Ф.М. Достоевского в Швеции.	388

ГЛАВА III.
«ЗАПИСКИ ИЗ ПОДПОЛЬЯ»
И ЛИТЕРАТУРА ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ

П.Д. Орехова.	
Пометки на полях: «Записки из подполья» в прочтении Томаса Манна	407
Н.И. Ковалев.	
Проблематика «подпольного человека» у Н. Бердяева и Г. Бенна	417
Ю.Ю. Данилкова.	
Феномен «подполья» у Ф.М. Достоевского и Ф. Кафки («Записки из подполья» и «Нора»)	425
Е.А. Маркова.	
«Записки из подполья» Ф.М. Достоевского как актуальный текст в английской и ирландской литературе XX века	436
О.Ю. Панова.	
Повесть Ф.М. Достоевского «Записки из подполья» и американская литература XX века	462
А.Л. Гумерова.	
Ф.М. Достоевский и К.С. Льюис: отзвуки «Записок из подполья» в сказке «Серебряное кресло» и романе «Пока мы лиц не обрели»	510
А.В. Бородачева.	
Рецепция «Записок из подполья» и образа «подпольного человека» в творчестве Брета Истона Эллиса	524
М.А. Козлова.	
Городской текст в «Записках из подполья» Ф.М. Достоевского и творчество бельгийских символистов (Э. Верхарн, Ж. Роденбах)	531
М. Бросье.	
Подполье и испытание нигилизмом: «Записки из подполья» Достоевского и «Темнота» Филиппа Жакоте	547
А.Н. Таганов.	
«Подпольный человек» Ф.М. Достоевского и «Эра подозрения» Н. Саррот	564
Г.Э. Импости.	
Парадоксальные риторические стратегии повествования человека из подполья	573
А.В. Голубцова.	
«Записки из подполья» в итальянской литературе рубежа XIX—XX вв.	581
В.Е. Багно.	
Латиноамериканская литература: «Записки из подполья»	593
К.С. Корконосенко.	
«Записки из подполья» и роман Мигеля де Унамуно «Авель Санчес»	596
А.В. Глагощук.	
«Бог на земле»: мексиканская рецепция «Записок из подполья»	607

С. Фуэнтес.

Отзвуки «подполья»: Достоевский и художественный мир
произведений Клариси Лиспектор 616

К.И. Бычкова.

«Подпольный человек» в романе Дж.М. Кутзее
«Жизнь и времена Михаэла К.» 628

Ю.А. Куликов.

Ф.М. Достоевский как подпольный человек
в романе Дж.М. Кутзее «Осень в Петербурге» 635

ГЛАВА IV.
«ЗАПИСКИ ИЗ ПОДПОЛЬЯ»
В ИНТЕРМЕДИАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВАХ

Е.Д. Гальцова.

Драматургические переложения «Записок из подполья»
во Франции: пьесы Анри-Рене Ленормана,
Жоржа Батая и Жоржа Нёвё 645

А. Дюкре.

«Записки из подполья» на французских подмостках 678

О.Ю. Панова.

Современные англо-американские сценические и киноадаптации
повести Ф.М. Достоевского «Записки из подполья» 692

А.В. Голубцова.

«Записки из подполья» на итальянской сцене 714

К. Ичин.

Постановка «Записок из подполья» сербскими заключенными 723

Н.И. Шрома.

«Записки из подполья» на театральных сценах Балтии 732

А.В. Бородачева.

Образ «подпольного человека» в фильме Ларса фон Триера
«Дом, который построил Джек» 750

Е.А. Литвин.

«Записки из подполья» в итальянской массовой культуре.
Случай «Дилана Дога» 765

Г.Э. Импости

ПАРАДОКСАЛЬНЫЕ РИТОРИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ПОВЕСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА ИЗ ПОДПОЛЬЯ

Аннотация: В статье исследуются риторические стратегии повествования, используемые в повести «Записки из подполья» и связанные с парадоксом лжеца. Очень важно понятие ненадежного рассказчика, который, особенно связи с жанрами автобиографии и исповеди, опровергает их претензию на искренность, иногда открыто врет, чтобы похвастаться перед читателем. Анализируются разные типы «экстремальных» повествовательных приемов [Richardson, 2006], как, например, «эпанартозис», «де-наррация» и «дис-наррация», которые на уровне дискурса реализуют парадокс лжеца и заманивают «человека из подполья» в порочный круг, из которого невозможно выйти.

Ключевые слова: Парадокс лжеца, экстремальные повествовательные приемы, Ф.М. Достоевский, Записки из подполья, ненадежный рассказчик.

Информация об авторе: Габриэлла Элина Импости — доктор филологических наук, профессор русской литературы, Университет “Alma Mater Studiorum”, ул. Дзамбони, д. 33, 40126 Болонья, Италия. E-mail: gabriella.imposti@unibo.it

© 2021, *Gabriella E. Imposti*

PARADOXICAL RHETORICAL NARRATIVE STRATEGIES OF THE UNDERGROUND MAN

Abstract: In this article the Liar's Paradox is examined in reference to Dostoevsky's novel *Notes from Underground* (1864). At first the concept of unreliable narrator is discussed and examined within the genres of autobiography and confession, where the narrator doesn't tell the truth always, but sometimes intentionally lies in order to obtain the reader's sympathy and admiration. Then the narrative strategies of the Underground Man are analyzed and a series of “extreme” narrative devices [Richardson, 2006] are identified, such as “epanarthosis”, “denarration”, “disnarration”. All of these narrative devices realize verbally the Liar's paradox which traps the Underground Man into a vicious circle from which it is impossible to exit.

Keywords: Liar's Paradox; Extreme Narration; Fyodor Dostoevsky; *Notes from Underground*; Unreliable Narrator.

Information about the author: Gabriella Elina Imposti, Doctor Hab. In Philology, Full Professor of Russian Literature in the Department of Modern Languages, Literatures and Cultures at the University of Bologna, Via Zamboni, 33, 40126 Bologna, Italy. E-mail: gabriella.imposti@unibo.it

Ключевым понятием при подходе к анализу риторических стратегий, использованных в «Записках из подполья», является термин «ненадежный рассказчик» (“unreliable narrator”), который в 1961 г. был введен Уэйном Бутом в книге «Риторика художественной литературы». Под термином «ненадежный рассказчик» подразумевают повествователя, который говорит или действует вопреки правилам, внесенным в текст автором¹. Недостоверность рассказчика заключается в том, что «он сообщает, интерпретирует или оценивает искаженным или частичным образом». Это — особенность нарративного дискурса, которая «обычно воплощается автором осознанно, как риторический прием в литературных повествованиях» [Shen]².

Как подчеркивает Нюннинг, примеры ненадежного повествования «можно найти в самых разных жанровых повествованиях, в средствах массовой информации и различных дисциплинах» [Nünning, p. 90]³. Более того, этот прием можно идентифицировать со значительной частотностью употребления даже в трудах автобиографического характера, в которых автор совпадает (или как бы совпадает) с рассказчиком. В этом контексте, когда автор нарушает автобиографический пакт с читателем, ненадежное повествование играет центральную роль.

Очень часто автобиография (в широком смысле этого слова) граничит с исповедью, от которой читатель ожидает реальных деталей, фактических и соответствующих горизонту ценностей, установленному его собственной культурой. Поэтому “наивный” читатель может рассматривать исповедь, как повествовательный жанр, который пользуется статусом максимального доверия, надежности и приверженности к реальности. Так, по крайней мере, Святой Августин заявлял в своей «Исповеди»:

«Итак, я исповедуюсь и в том, что о себе знаю; исповедуюсь и в том, чего о себе не знаю, ибо то, что я о себе знаю, я знаю, озаренный Твоим светом, а то, чего о себе не знаю, я не буду знать до тех пор, пока “потемки мои” не станут “как полдень” пред лицом Твоим» [Августин, с. 143].

¹ «I have called a narrator *reliable* when he speaks for or acts in accordance with the norms of the work (which is to say the implied author's norms), *unreliable* when he does not» [Booth, p. 158–159].

² «[...] unreliability is a feature of narratorial discourse. If a narrator mis-reports, -interprets or -evaluates, or if she/he under-reports, -interprets or -evaluates, this narrator is unreliable or untrustworthy. In literary narratives, narratorial unreliability is usually encoded by the author as a rhetorical device. Only occasionally is this due to the author's own slips or failings in contrast to non-literary narratives, where narratorial unreliability is more often a result of the author's own limitations» [Shen].

³ «[...] unreliable narration as a phenomenon is [...] not confined to narrative fiction, but can be found in a wide range of narratives across the genres, the media, and different disciplines» [Nünning, p. 90].

Пример художественной «исповеди» можно найти в повести Льва Толстого «Крейцера соната», в которой главный герой Позднышев рассказывает незнакомцам о событиях, приведших его к совершению убийства собственной жены. Однако согласно Кутзее [Coetzee, p. 199], эта исповедь Позднышева, «воплощает явно неадекватный самоанализ [...] и этот анализ также настоятельно подтверждается (как “то, что я имел в виду”) автором, пишущим вне художественного текста»⁴.

Действительно, Толстой в «Послесловии» к «Крейцеровой сонате» решительно заявляет о полной уверенности в достоверности исповеди персонажа, предоставляя своим читателям «авторитетное» толкование того, о чем повествуется в художественном тексте, и настаивая на отсутствии расстояния между персонажем и внешним по отношению к тексту автором, чьи «идеалы» и суждение совпадают с теми, которые выражены главным персонажем повести:

«Вот то существенное, что я хотел сказать и думал, что сказал в своем рассказе. И мне казалось, что можно рассуждать о том, как исправить то зло, на которое указывали эти положения, но что не согласиться с ними никак нельзя» [Толстой, с. 201].

Безымянный главный герой «Записок из подполья» также явно ссылается на жанр исповеди, который, однако, представляет как проявление нездорового нарциссизма (часть I, гл. 1): «А впрочем: о чем может говорить порядочный человек с наибольшим удовольствием? Ответ: о себе. Ну так и я буду говорить о себе» [Достоевский, 1989, с. 455]⁵.

Как подчеркивает Бахтин, «“Записки из подполья” — исповедальная *Icherzählung*. Первоначально это произведение должно было быть озаглавлено “Исповедь”. Это действительно подлинная исповедь. Конечно, “исповедь” мы здесь понимаем не в личном смысле. Замысел автора здесь преломлен, как и во всякой *Icherzählung*; это не личный документ, а художественное произведение» [Бахтин, с. 254].

В главе 11, которой завершается первая часть романа, рассказчик уточняет, что среди воспоминаний каждого есть вещи, которые могут быть доверены только друзьям, и другие, которые рассказываются только самим себе, но под большим секретом, и, наконец, некоторые вещи страшно рассказывать даже самим себе. «Записки из подполья», следовательно, своеобразный эксперимент: «[...] теперь я именно хочу испытать: можно ли хоть с самим собой совершенно быть откровенным и не побояться всей правды?» [с. 480].

Рассказчик переходит здесь на металитературный уровень, и для того, чтобы проверить, можно ли искренне признаться в истине о себе, упоминает авто-

⁴ “A confession embod[ies] a patently inadequate self-analysis [...] and the analysis is then reaffirmed (as “what I meant”) by the author writing outside the fiction”.

⁵ Далее в скобках цитируются страницы из этого издания.

ритетное мнение Гейне, согласно которому «[...] верные автобиографии почти невозможны, и человек сам об себе наверно налжет. [...] Руссо, например, непременно налгал на себя в своей исповеди, и даже умышленно налгал, из тщеславия» [с. 480].

Человек из подполья подчеркивает, как женеvский автор намеревался поважничать перед целой аудиторией, хотя он и говорил, что пишет только для себя, что было опровергнуто с точки зрения метаповествования фактом обращения к гипотетическому читателю. Напротив, безымянный персонаж Достоевского утверждает, что имплицитный читатель в его собственной «исповеди», является простым литературным приемом: «Я же пишу для одного себя и раз навсегда объявляю, что если я и пишу как бы обращаясь к читателям, то единственно только для показу, потому что так мне легче писать. Тут форма, одна пустая форма, читателей же у меня никогда не будет. Я уже объявил это...» [с. 480–481].

Однако, читатель не может не сомневаться в надежности такого утверждения. Сам Достоевский хорошо осознавал привычку «необразованных» читателей просто-напросто отождествлять собственные мнения автора с мнениями его персонажа, о чем писал своему брату уже в 1846 г.: «Во всем они привыкли видеть рожу сочинителя; я же моей не показывал.» (письмо от 1-2-1846 [Достоевский, 1996, с. 57]). Поэтому, в отличие от Толстого, который, как мы видели, утверждал сущностную идентичность своих позиций и позиций, выраженных его персонажем, Достоевский подчеркивает четкое различие между собой и безымянным главным героем «Записок из подполья» в лаконичном предисловии в начале романа:

«И автор записок и самые “Записки”, разумеется, вымышлены. [...] Я хотел вывести перед лицо публики, повиднее обыкновенного, один из характеров протекшего недавнего времени. Это — один из представителей еще доживающего поколения. В этом отрывке, озаглавленном “Подполье”, это лицо рекомендует самого себя, свой взгляд и как бы хочет выяснить те причины, по которым оно явилось и должно было явиться в нашей среде.» [с. 452].

Порой «человек из подполья» углубляется в повествование о возможных событиях, которые затем, в реальности, не происходят, еще раз разочаровывая ожидания читателя:

«Раз, проходя ночью мимо одного трактиришка, я увидел в освещенное окно, как господа киями подрались у бильярда и как одного из них в окно спустили. [...] тогда такая вдруг минута нашла, что я этому спущенному господину позавидовал, и до того позавидовал, что даже в трактир вошёл, в бильярдную: “Авось, дескать, и я подерусь, и меня тоже из окна спустят”. [...] Но ничем обоилось. Оказалось, что я и в окно-то прыгнуть не способен, и я ушел не подравшись.» [с. 487, курсив мой — Г. И.]

Данная техника повествования была определена как “disnarrative” (диснаррация) Джеральдом Принсом (1988), который с помощью этого термина определяет повествование о событиях, которые могли бы быть возможными, но которые, хотя на них и намекают, не реализуются в тексте [Prince, p. 1]⁶. Это — гипотетический дискурс, который позволяет читателю увидеть логику, лежащую в основе повествования, и которая также служит его замедлению, предлагая возможные альтернативы, которые, к тому же, не реализуются или сразу же опровергаются [Prince, p. 5; Richardson, 2001, p. 169].

В своей многословной и бессвязной «исповеди» «человек из подполья», однако, не ограничивается заменой какого-либо слова или суждения другим, более точным и адекватным, но приходит даже к опровержению своего собственного утверждения или отказывается от него. В этом процессе, как подчеркивает Мур [Moore, p. 53], говоря о романе «Бесы», мы можем выявить использование фигуры «эпанортосис» (*epanorthosis*): т. е. «поправление», фигуру речи, посредством которой какая-либо мысль сначала высказывается, а затем отменяется, для того чтобы высказать или эту же мысль точнее, полнее, или другую мысль, которая опровергает первую.

Рассказчик «подполья» хорошо осознает свою повествовательную стратегию, переворачивающую обычную логику, — однако, одновременно отрицает литературный характер повествовательного действия: «По крайней мере мне было стыдно, все время как я писал эту повесть: стало быть, *это уже не литература*, а исправительное наказание. Ведь [...] в романе надо героя, а тут нарочно собраны все черты для антигероя [...]» [с. 549, курсив мой. — Г. И.].

После долгой тирады, где «человек из подполья» набрасывает отталкивающий автопортрет зловредного и желчного чиновника, даже не берущего взятки, дабы досадить другим, он сразу заявляет: «Это я *наврал* про себя давеча, что я был злой чиновник. Со злости *наврал*» [с. 453, курсив мой. — Г. И.]. Пример такого высказывания можно интерпретировать как применение очередной «крайней» формы повествования, — «денаррации» (де-нарратив, де-наррация): речь идет о типе повествования, который сначала утверждает возникновение события, а затем опровергает и отрицает его; иногда рассказчик открыто признает, что солгал [Richardson, 2006, p. 87–88]⁷. «Парадоксальный» характер [Richardson, 2001, p. 168; Richardson 2006, p. 87] этой повествовательной страте-

⁶ “Those passages in a narrative that consider what did not or does not take place”.

⁷ «A kind of narrative negation in which a narrator denies significant aspects of his or her narrative that had earlier presented as given. The simplest example of this might be something like “Yesterday it was raining. Yesterday it was not raining”. The effect of this unusual strategy [...] is nearly always arresting, and to many readers can be quite disconcerting. [...]» Ср. «Denarration» в *Dictionary of Unnatural Narratology*: «Denarration occurs when events or aspects of a fictional world are negated or cancelled. It is an ontological rather than epistemological alteration: the narrator does not simply correct a misremembered fact or revise an incorrect judgment, but rather changes some part of the fictional world. [...]».

гии заключается в ее способности «изменять характер и восприятие истории, [...] повествовательный мир начинает давать трещины и вместо того, чтобы видеть флуктуирующего повествователя, изменяющего описание стабильного мира, мы видим мир, который создаётся и воссоздаётся вновь» [Richardson 2006, p. 87–89]⁸.

«Человек из подполья» признается, что во многих местах он лгал: «Накипала, сверх того, тоска; являлась истерическая жажда противоречий, контрастов, и вот я и пускался развратничать. Я ведь *вовсе не для оправдания моего* сейчас столько наговорил... А впрочем, нет! *соврал!* Я именно себя оправдать хотел. Это я для себя, господа, заметочку делаю. Не хочу *лгать*. Слово дал.» [с. 486, курсив мой. — Г. И.].

В конце повести, он ещё раз проявляет себя как человек онтологически не способный придерживаться своих собственных намерений. На самом деле, несмотря на твердое заявление: «Но довольно; не хочу я больше писать “из подполья”», он продолжает писать, как лаконично замечает автор в конце повести: «Впрочем, здесь еще не кончаются “записки” этого парадоксалиста. Он не выдержал и продолжал далее. Но нам тоже кажется, что здесь можно и остановиться» [с. 550]. Именно в этом очень кратком заключении автора, включенном в повествование, «человек из подполья» определяется как «парадоксалист». И действительно, вся «исповедь» «человека из подполья» отвечает модели парадокса лжеца, сформулированного Эвбулидом Милетским много веков назад, «ψευδόμενος (pseudōmenos)», «я лгу». Герой не раз в тексте клянется, что не верит ни одному слову из того, что сам говорит, и что он лжет:

«Клянусь же вам, господа, что я ни одному, *ни одному-таки словечку не верю* из того, что теперь настрочил! То есть *я и верю*, пожалуй, но в то же самое время, неизвестно почему, чувствую и подозреваю, что *я вру как сапожник*» [с. 479, курсив мой. — Г. И.].

«[...] со злобою соображаю, бывало, что *все это ложь, ложь, отвратительная напускная ложь*, то есть все эти раскаяния, все эти умиления, все эти обеты возрождения [...]» [с. 462, курсив мой. — Г. И.].

Однако, «человек из подполья»-лжец настаивает и на правдивости лжи; именно в этом можно заметить, как подчеркивает Бахтин, «влияние чужого слова», которое действует тайно в самом голосе «человека из подполья» или становится преддверием реплики потенциального собеседника, включенного в дискурс самого «человека из подполья» [Бахтин, с. 255]. В конечном счете, испо-

⁸ “The effect of this unusual strategy is variable: it can play a relatively minor role in the overall text, or it can alter the nature and reception of the story. [...] with a few additional or more extreme interventions, the narrative world may start to fissure; instead of observing a fluctuating narrator alter descriptions of a stable world, we will see the world being created and re-created anew”.

ведь теряет свое очищающее действие, превращаясь в своего рода шахматную игру, в которой мы постоянно пытаемся упредить воображаемого противника (собеседника) с помощью ходов и ответных ходов, которые находятся в противоречии друг с другом, чтобы вызвать восхищение, симпатию и сострадание:

«Благодаря такому отношению к чужому сознанию получается своеобразное *perpetuum mobile* его внутренней полемики с другим и с самим собою [...] Перед нами пример дурной бесконечности диалога [...]» [Бахтин, с. 256–257].

В повествовании героя повести мы находим ряд полемических утверждений и последующих опровержений, которые не допускают ни прогресса, ни решения, ни выхода. Тем не менее, слово «человека из подполья» постоянно пытается найти лазейку для выхода из этого порочного круга [Бахтин, с. 136], лазейку, которая невозможна из-за самой природы парадокса: ненадежный рассказчик-лжец застрял в собственной густой сети противоречий, опровержений и лжи, его собственное самовосприятие искажено и не может быть проверено:

«Лазейка делает двусмысленным и неуловимым героя и для самого себя. [...] Герой не знает, чье мнение, чье утверждение в конце концов его окончательное суждение: его ли собственное, покаянное и осуждающее, или, наоборот, желаемое и вынуждаемое им мнение другого, приемлющее и оправдывающее его.» [Бахтин, с. 261].

Лабиринтная и парадоксальная структура безысходных диалогических противопоставлений, из которых сотканы «Записки из подполья», их формальное и стилистическое значение, как известно, оказали глубокое влияние на литературу XX в. Но именно благодаря этому *Icherzählung*, рассказу от первого лица, которое исповедуется и отрекается от своей исповеди, в этой повести (особенно в первой части) парадоксальные противоречия слова приобретают почти лирическую чистоту, что отмечает Бахтин: «Но в последующих произведениях это противостояние нигде не дано в такой обнаженной и абстрактно отчетливой, можно прямо сказать — математической форме» [Бахтин, с. 257].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Августин*. Исповедь / пер. М.М. Сергеевко. СПб.: Наука, 2013. 372 с.
2. *Бахтин М.М.* Собр. соч.: в 7 т. М.: Русские словари. Языки славянской культуры, 2002. Т. 6: Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960-х – 1970-х гг. 341 с.
3. *Достоевский Ф.М.* Записки из подполья // *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: в 15 т. Л.: Наука, 1989. Т. 4: Униженные и оскорбленные. Повести и рассказы. 1862–1866. Игрок. С. 452–550.
4. *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: в 15 т. СПб.: Наука, 1996. Т. 15: Письма 1834–1881. 855 с.
5. *Толстой Л.Н.* Послесловие к «Крейцеровой Сонате» // *Толстой Л.Н.* Собр. соч.: в 22 т. М.: Худож лит., 1982. Т. 12: Произведения 1885–1902 гг. С. 197–210.

6. *Booth W.C.* The Rhetoric of Fiction. Chicago (IL): University of Chicago Press, 1983. 552 p.
7. *Coetzee J.M.* Confession and Double Thoughts: Tolstoy, Rousseau, Dostoevsky // *Comparative Literature*. 1985. Vol. 37, № 3. P. 193–232.
8. *Dictionary of Unnatural Narratology* / comp. and ed. by Jan Alber, Henrik Skov Nielsen, Brian Richardson and Stefan Iversen. Available at: <https://projects.au.dk/narrativeresearchlab/unnatural/undictionary/> (Accessed 15 June 2020).
9. *Lambrou L.* Disnarration and the Unmentioned in Fact and Fiction. London: Palgrave Macmillan, 2019. 126 p.
10. *Moore G.M.* The Voices of Legion: The Narrator of The Possessed // *Dostoevsky Studies*. 1985. Vol. 6. P. 51–66. Available at: <http://www.utoronto.ca/tsq/DS/06/051.shtml> (Accessed 15 June 2020).
11. *Nünning A.* Reconceptualizing Unreliable Narration: Synthesizing Cognitive and Rhetorical Approaches // *A Companion to Narrative Theory* / ed. by J. Phelan & P.J. Rabinowitz. Oxford: Blackwell, 2005. P. 89–107.
12. *Prince G.* The Disnarrated // *Style*. 1988. Vol. 22. P. 1–8.
13. *Richardson B.* Denarration in Fiction: Erasing the Story in Beckett and Others // *Narrative*. 2001. Vol. 9, № 2. P. 168–175.
14. *Richardson B.* Unnatural Voices: Extreme Narration in Modern and Contemporary Fiction. Columbus (OH): Ohio University State Press, 2006. 166 p.
15. *Shen D.* Unreliability // *The Living Handbook of Narratology* / ed. by Hühn, Peter et al. Hamburg: Hamburg University Press, 2013. Available at: <https://www.lhn.uni-hamburg.de/node/66.html#Booth>, (Accessed 15 June 2020).